

ПАМЯТИ Л. М. ЛОПАТИНА.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1920 году, въ самое страшное, голодное и холодное время такъ называемаго «военнаго коммунизма», скончался въ Москвѣ Левъ Михайловичъ Лопатинъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ философовъ XIX вѣка, съ именемъ котораго связанъ расцвѣтъ русской философской мысли въ 80-90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ принадлежалъ къ блестящему кругу московскихъ философовъ (достаточно здѣсь напомнить имена Владиміра Соловьева и братьевъ Трубецкихъ), въ трудахъ которыхъ впервые возникло то, что можно въ узкомъ и болѣе точномъ смыслѣ назвать *русской философіей*.

Русская мысль XIX вѣка, полная совершенно исключительнаго по богатству и глубинѣ идей духовнаго содержанія, до 80-хъ годовъ не имѣла надлежащаго философскаго оформленія. По своему содержанію она была прежде всего религіозно-общественной мыслью или, если угодно, философіей исторіи; самостоятельный общій философскій фундаментъ, — то что Аристотель называетъ «первой философіей» — въ ней почти отсутствуетъ, хотя въ зачаточной формѣ принципiальныя философскія идеи высокой значительности и встрѣчаются у славянофиловъ Кирѣевскаго и Хомякова. Среди русскихъ шеллингiанцевъ первой трети XIX-го вѣка были, правда, и солидные ученые (Велланскій) и талантливыя, вдохновенныя натуры (Павловъ), но не было самостоятельныхъ мыслителей. Русское гегелiанство, очень значительное по вызванному имъ общему броженію идей, не привело къ самостоятельному философскому творчеству (за исключеніемъ позднѣйшихъ трудовъ Чичерина). Русская философiя въ духовныхъ академіяхъ — доселѣ почти не изслѣдованная и недостаточно оцѣненная — стояла особнякомъ и во всякомъ случаѣ не породила никакого философскаго движенія идей. Въ 60-хъ годахъ единственнымъ самостоятельнымъ и оригинальнымъ русскимъ философомъ былъ Юркевичъ. Поэтому мы вправѣ сказать, что русская философiя въ точномъ смыслѣ слова возникаетъ впервые въ 80-хъ годахъ 19-го вѣка въ той московской школѣ, однимъ изъ самыхъ значительныхъ предшественниковъ которой былъ Л. М. Лопатинъ.

Разумѣется, безспорное первенство здѣсь принадлежитъ Владиміру Соловьѣву. Но Вл. Соловьѣвъ, при всей значительности его философскихъ трудовъ, былъ натурой слишкомъ универсальной — одновременно и интимно-мистической, и общественно-дѣйственной — чтобы чистая философія могла стоять въ центрѣ его творчества. Вл. Соловьѣвъ все же въ гораздо большей мѣрѣ былъ богословомъ и религіознымъ публицистомъ, чѣмъ философомъ. Систематическая теоретическая философская мысль, какъ таковая, его сравнительно мало интересовала и, при всей ея остротѣ у него все же не стоитъ на уровнѣ его религіозно-мистическихъ интуицій; иногда она даже исполняетъ у него, по средневѣковому собразцу, роль внѣшней «служанки» богословія, когда онъ пытается осуществить невозможное и ненужное дѣло философскаго «выведенія» догматовъ вѣры. Вл. Соловьѣвъ самъ сознавалъ недостаточность систематическаго философскаго обоснованія своего міровоззрѣнія: смерть застала его за разработкой «Теоретической философіи», отъ которой сохранилось лишь вступленіе, свидѣтельствующее о значительномъ, но, къ сожалѣнію, несуществленномъ замыслѣ.

Въ противоположность Вл. Соловьѣву — природы, въ иныхъ отношеніяхъ неизмѣримо болѣе духовно одаренной и глубокой — Л. М. Лопатинъ былъ образцомъ чистаго теоретика-философа. Въ этомъ смыслѣ Лопатинъ стоитъ въ русской философіи особнякомъ, занимаетъ свое особое мѣсто и нашелъ своихъ продолжателей лишь въ русскихъ философахъ систематикахъ 20-го вѣка. Лопатинъ первый въ Россіи создалъ *систему теоретической философіи*. Эта система выражена въ главномъ трудѣ его жизни — въ двухтомной книгѣ «Положительныя задачи философіи», вышедшей въ 1886-88 годахъ (по сравненію съ которой всѣ остальные его работы являются лишь королларіями и «парергами»). Философская значительность этого классическаго труда доселѣ еще не оцѣнена надлежащимъ образомъ русской мыслью (на Западѣ она остается до сихъ поръ просто неизвѣстной). Въ эпоху величайшаго упадка философіи на Западѣ, когда въ Германіи, на примѣръ, среди господства матеріализма и всяческой бозыдейности лишь возникали первыя робкія попытки возрожденія философскаго идеализма въ лицѣ новокантіанства первой формации (Риль, Лаасъ, первая книга Когена) — модная въ то время, философски малозначительная «философія безсознательнаго» Гартманна не можетъ итти въ счетъ —, Лопатинъ создалъ и критически обосновалъ въ своемъ трудѣ цѣлостную систему спиритуалистической метафизики. Заглавію его книги соотвѣтствуетъ преимущественно содержаніе перваго ея тома. Въ немъ, на основѣ исключительнаго по тонкости и проницательности критическаго анализа философіи

Канта, доказывається необходимость и возможность для философии «положительныхъ задачъ», т. е. метафизическаго познания. Лопатинъ убѣдительно изобличаетъ несостоятельность кантіанскаго замысла гносеологии, какъ науки, предшествующей онтологіи и долженствующей, путемъ изслѣдованія человѣческаго познания, опредѣлить его границы. То, что — въ противоположность этому замыслу — теперь, послѣ работъ Гуссерля и Николая Гартманна — стало общимъ мѣстомъ и нѣмецкой философской мысли — именно, что теорія знанія, будучи сама частью онтологіи, познания бытія, никакъ не можетъ, не впадая въ противорѣчіе, быть наукой, преюдиціальной въ отношеніи онтологіи — было убѣдительно показано Лопатинымъ безъ малаго полвѣка тому назадъ. Второй томъ «Положительныхъ задачъ» посвященъ уже развитію самой метафизической системы автора. Въ немъ также пронизательный философскій взоръ автора творчески преодолеваетъ философскія предубѣжденія и ходячія мнѣнія его времени. Въ центрѣ изслѣдованія стоитъ «законъ причинности». Въ противоположность господствующимъ позитивистическимъ и рационалистическимъ идеямъ, для которыхъ причинность есть либо только «эмпирическая связь закономѣрности», либо выраженіе постоянства и какъ бы косности бытія, Лопатинъ вскрываетъ въ причинной связи ея внутреннее, динамически-творческое существо, и на этой основѣ строить свою динамическую метафизику. Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ стоитъ спиритуализмъ Лопатина. Также впервые въ европейской философской литературѣ и за нѣсколько десятилѣтій до соответствующихъ достижений нѣмецкой философской психології, Лопатинъ ниспровергъ кумиръ «психології безъ души», показавъ, что непредвзятому анализу душевная жизнь всегда предстоитъ, какъ живое единство и творческая глубина, а не какъ комплексъ «психическихъ процессовъ». Въ центрѣ этого анализа стоитъ глубокосмысленное и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно ясное раскрытіе *сверхвременной* природы душевной жизни и сознанія. Вообще Лопатинъ даетъ впервые то, что теперь именуется «описательной психологіей» или «феноменологіей душевной жизни» и что въ его время господства натуралистической психології было дѣломъ совершенно невѣдомымъ (Въ этомъ отношеніи доселѣ имѣетъ интересъ неизданный, вышедшій когда-то только въ формѣ литографированныхъ записокъ его курсъ «Психології»). Въ этомъ Лопатинъ имѣетъ точку соприкосновенія съ Бергсономъ, который какъ разъ тогда уже опубликовалъ свою первую книгу «*Les données immédiates de la conscience*»; и любопытно, что Лопатинъ первый обратилъ вниманіе на тогда еще никому неизвѣстнаго французскаго философа и сочувственно цитировалъ его.

Конечно, и Лопатинъ не избѣгъ общей участи, въ силу которой даже самый значительный и самостоятельный мыслитель какъ то опредѣленъ «духомъ эпохи» и ограниченъ его; предѣлами. Предѣлы метафизической мысли Лопатина положены прежде всего тѣмъ, что ему остались чужды мотивы *платонизма*. Онъ — «субстанціалистъ» скорѣе лейбнице-аристотелевскаго типа мысли, и его философія, несмотря на спиритуалистически-метафизическое ея содержаніе, на нашъ нынѣшній философскій вкусъ все же отдаетъ натурализмомъ. Съ методологической стороны Лопатинъ вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ теперь чрезчуръ рационалистиченъ. Правда, ему принадлежитъ въ этомъ отношеніи большая, въ Россіи особенно существенная заслуга отстаиванія правъ и достоинства философскаго разума, чистой мысли. Но рѣзкость его противопоставленія «разума» и «вѣры», отсутствіе чутья къ сверхраціональному интуитивному источнику рациональной мысли, — попытка въ рациональныхъ формахъ выразить то послѣднее, абсолютное въ бытіи, что по существу выразимо только въ терминахъ «*docta ignorantia*», мистическаго видѣнія рационально невыразимаго — придаетъ его философіи односторонній рационалистическій оттѣнокъ.

И все же философское міросозерцаніе Лопатина имѣетъ для насъ не только «историческій» интересъ, и наше отношеніе къ нему никакъ не можетъ исчерпаться почетнымъ упоминаніемъ его заслугъ въ прошломъ. Работы Лопатина должны быть безъ оговорокъ причислены къ лучшимъ и высшимъ достиженіямъ философской мысли послѣдняго полвѣка, и потому никакое дальнѣйшее философское творчество не должно было бы ихъ обходить. Въ частности, долгъ русскихъ философовъ, — обычно набрасывающихся на всякую, даже мало значительную новинку западной философіи и мало знакомыхъ съ русской философской литературой, — внимательно изучать философію Лопатина. Въ нынѣшнюю эпоху упадка мысли и интереса къ мысли это особенно существенно.

С. Франкъ.